

Bulletin des DHI Moskau

Band 05

2011

Copyright

Das Digitalisat wird Ihnen von perspectivia.net, der Online-Publikationsplattform der Max Weber Stiftung – Stiftung Deutsche Geisteswissenschaftliche Institute im Ausland, zur Verfügung gestellt. Bitte beachten Sie, dass das Digitalisat urheberrechtlich geschützt ist. Erlaubt ist aber das Lesen, das Ausdrucken des Textes, das Herunterladen, das Speichern der Daten auf einem eigenen Datenträger soweit die vorgenannten Handlungen ausschließlich zu privaten und nicht-kommerziellen Zwecken erfolgen. Eine darüber hinausgehende unerlaubte Verwendung, Reproduktion oder Weitergabe einzelner Inhalte oder Bilder können sowohl zivil- als auch strafrechtlich verfolgt werden.

Александр Шубин, Москва

Свобода в СССР и движение неформалов

Представление о советском обществе, в котором началась перестройка, окутано публицистическими мифами.

Миф первый: советское общество на протяжении всей его истории было тоталитарной казармой, где запрещались любые разногласия, и люди слепо подчинялись идеологическим решениям Политбюро ЦК КПСС. А кто хоть в чем-то не подчинялся — тот репрессировался.

Миф второй: советское общество было бесконечно отсталым от демократических стран Запада, глухой архаикой, провалом в древность. Следовательно, как бы ни была отстала современная Россия, она все равно идет светлой дорогой либерализма, вперед — из глухой древности к полуфеодальному капитализму.

Миф третий: СССР был бесконфликтным обществом всеобщего благоденствия, которое могло бы просуществовать в этом же виде еще сто или тысячу лет, если бы не предатели Хрущев, Горбачев и Ельцин.

Миф четвертый: советское общество было несвободным. Как и всякий миф, он содержит часть правды — свобода в СССР была ограниченной. Как является она ограниченной в любом обществе. Можно ли сказать, что служащий в офисе или рабочий у конвейера в либеральном западном обществе свободен? Можно ли сказать, что свободно общество, опутанное законами, в которых может разобраться только опытный юрист?

Свобода и авторитаризм

Свобода — это пространство, в котором человек может действовать по своему усмотрению, выражать себя. Но для этого он

должен быть свободен и внутри, в частности, свободен от тех же навязанных ему мифов. Свободен от собственного животного начала. Свободен от социального господства. Свободен творить свою жизнь. Свободен не просто говорить, что думает, а думать рационально и творчески. Свободен обустривать жизнь так, как хочется жить, не мешая такому же праву других. Такая свобода всегда ограничена. Но в разных обществах она ограничена в разной степени и на разных направлениях¹.

Большинство советских людей чувствовали себя вполне свободными, потому что освоились в обществе, в котором жили. Также не ощущают себя несвободными жители Западной Европы, хотя переселенец из «несвободных» стран Востока мучается в Европе из-за многочисленных непонятных ему правил и ограничений.

Советский человек жил в условиях авторитарного режима, и это уже немало для свободы. Ведь авторитарный режим, в отличие от тоталитарного, уже не стремится управлять всеми сторонами жизни людей, он смирился с их частичной неуправляемостью и лишь следит, чтобы рост свободы не опрокинул социально-политическую конструкцию. Авторитарный режим не овладел технологией манипуляции сознанием через его перегрузку информацией, которую используют плюралистические режимы. Авторитаризм защищает несколько основных зон и табу, создавая дефицит информации. Но дефицит создает в обществе тягу к его преодолению, а уж за пределами табу были возможны широкое обсуждение и критика².

Советский социальный костюм 1960–1970-х гг. «не жал», потому что прежний — довоенного образца — был слишком тугим. Жители коммуналок ощущали прилив свободы, переселяясь в отдельные квартиры. Интеллигент задыхался от свободы, приобщаясь к тайнам сталинской эпохи (приоткрывая только самый краешек). В 1970-е гг. человек уже вырастал из «костюма», несвобода ощущалась острее, хотя сфера свободы расширялась. Просто она росла медленнее, чем потребности в самовыражении, интеллек-

¹ О проблеме свободы см. также: Шубин А. В. Социализм: золотой век теории. М., 2007. С. 672–676.

² См.: Шубин А. В. Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. М., 2008.

туальном поиске. Советское общество «разогнало» рост потребностей и теперь не успевало за ними.

Там, где человек осознает свою несвободу, возникает сопротивление. Человек так устроен, что несвобода его тяготит. Осознал — и поневоле начинаешь прощупывать, где несвобода начинается и нельзя ли расширить свободу.

Дело вообще не только в том, что власть «зажимала», но и в разных общественных стратегиях, характерных не только для авторитарных режимов, но и для более плюралистичных систем. Вольнодумие растет, как тесто в гибкой, но все же сопротивляющейся «пластмассовой» кастрюле. Кто-то готов учитывать это сопротивление, давить на стенку постепенно, а кто-то хочет сломать кастрюлю.

Публицисты и некоторые исследователи попадают под обаяние дискурса тоталитаризма, который представляет советский строй аналогом фашистской системы. Следовательно, если ты с ней не боролся, ты — конформист. Но, принимая это как данность, забывают обосновывать, почему, собственно, большинство интеллигенции было «обязано» бороться с системой, которая для нашей страны оказалась во многом более благоприятной, чем Российская империя и РФ. Как раз нормальное человеческое поведение — работа по ее совершенствованию, а революционные действия разумны только в условиях системного кризиса, «революционной ситуации». То есть во второй половине 1980-х гг.

Наверно, тот факт, что в советском обществе отсутствовало публичное пространство, где граждане могли бы обсуждать политику государства. Просто до перестройки обмен информации в нем был затруднен. Самые разные стороны этой политики обсуждались даже в центральных газетах весьма критически, иногда дискуссионно. Табу существовало на идеологические, целостные выводы, которые ставили бы под сомнение догматы официальной идеологии. Впрочем, и в нынешнем плюралистическом обществе центральные СМИ (их роль играют телеканалы) не обсуждают, скажем, проблему ликвидации собственности. Впрочем, в научных аудиториях и публикациях ставились под сомнение и формационная «пяточленка», и централизованное планирование, и готовность

России к социалистической революции в 1917 г. А уж в заводских «курилках» не было никаких табу.

Таким образом, применительно к 1970-м гг. не выдерживают критики ни идеологема «идейно-политического единства советского народа», ни утверждения публицистов вроде У. Лакера о том, что «Советский Союз того периода был по-прежнему тоталитарным обществом, и никакие отклонения от официальной идеологии не допускались»¹.

Однако крайностью является и утверждение, что в СССР существовала не меньшая идеологическая свобода, чем на Западе, равно как и развитое гражданское общество². Гражданское общество — конкретная реальность, которая имеет свои границы во времени и пространстве. Собственно гражданским обществом является сеть равноправных некоммерческих и негосударственных организаций, отличающихся общественной активностью, связанной с социальным творчеством. Возможны и другие определения³, но их автор должен объяснить, чем гражданское общество отличается от государственного социального вспомоществования, коммерции, парламентаризма и прочих столь же конкретных явлений. Процесс возрождения отечественного гражданского общества, выкорчеванного в 1930-е, в 1970-е гг. зашел довольно далеко. Сформировались различные общественные сети — неформальные движения, идейные течения, даже оппозиция. Но, поскольку они пока не могли сложиться в единую сеть, единое общественное поле, правомернее говорить об элементах гражданского общества.

Сохранилась некоторая основа общности взглядов большинства, которая есть в любой стране. «Идейно-политическое един-

¹ Лакер У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма. М., 1994. С. 145.

² Странники такого взгляда под гражданским обществом понимают нечто неконкретное — и патриотизм, и ощущение собственного полноправия (часто — иллюзорное), и наличие в стране общественных организаций, включая «приводные ремни» режима, и социальные гарантии, и моральные устои. См., например: Яницкий О. Н. Длинные 70-е: гражданское общество тогда и сейчас // Неприкосновенный запас. 2007. № 2.

³ О современных концепциях гражданского общества см.: Пожарская С. П., Номазова А. С. Основные этапы формирования гражданского общества в странах Западной Европы и России в XIX–XX веках // Новая и новейшая история. 2006. № 3.

ство советского народа» носило рамочный характер (как ценности гражданской нации в странах Запада XX в.). Это единство было скорее патриотическим, чем идеологическим (коммунистическим).

Основу общественного мнения в СССР (вслед за Российской империей) составляли понятия не политические, а нравственные. Те или иные события оценивались прежде всего с точки зрения их справедливости. В массе своей население считало существующий порядок более или менее справедливым.

Разноцветное общество

Уже во второй половине 1950-х гг. советское общество перестало быть политически монолитным. Началась обычная для всего мира борьба между «охранителями» и «прогрессистами» («реформистами»)¹, между защитниками Системы от перемен и сторонниками ее изменения (не свержения, но существенного обновления).

После официального осуждения «культа» процесс надолго принял необратимый характер: каждый шаг означал новую трещину в былом монолите. Мысль могла двигаться и за пределы марксистско-ленинских рамок, к осознанию связи их самих с возникновением проклинаемого «культа».

Прогрессисты выступали в качестве «прогрессивного» крыла коммунистов, настроенного на движение вперед. Но это «вперед» могло быть разным. Было неясно, какое направление истинно верное, а какое — опасный уклон к ревизионизму. Выступая за более широкую свободу личности, критикуя бюрократию, прогрессисты шли путем «ревизионистов» к разным формам демократического коммунизма и левой (пока) социал-демократии. Охранители также искали путь в будущее, но такой, который не будет сопровождаться разрушением достигнутого. Это значит, что и они должны

¹ В литературе встречаются и другие наименования этих лагерей. Например, прогрессистов часто называют либеральными коммунистами или даже либералами. Это вносит путаницу и требует постоянных оговорок и разъяснений, так как партийные «либералы» не разделяли идеологии либерализма, не выступали за частную собственность, как правило, не смели выступать за многопартийность и т. д.

были обсуждать сложные проблемы, бросавшие вызов коммунистической ортодоксии, — прежде всего о соотношении традиций страны и коммунистической перспективы. К 1980-м гг. это привело к усложнению идейного спектра, где были уже и либералы, и демократические социалисты, и «красные патриоты», и «белые патриоты»¹. И это было только начало сложных и многосторонних дискуссий 1950–1980-х гг.

Интеллигентский круг «генераторов идей» был относительно узок. Это дает повод некоторым либеральным авторам представлять советское общество в виде глубокой архаики, где узкий круг современно мыслящей интеллигенции был «каплей в море» архаичного населения². Однако круг «генераторов идей» узок в любом современном обществе. Важно то, насколько дискуссии интеллектуалов востребованы другими слоями общества. Советский человек просто не мог быть архаичным, потому что был встроен в индустриальную машину. Машина требовала, чтобы он был просвещен, и в итоге получила человека читающего, значит — пишущего (в том числе и критические письма властям); человека, вовлеченного в информационное поле, обсуждающего новинки толстых журналов и острые статьи газет.

Основой коммуникации в среде вольномыслящих стал самиздат — детище конкретной исторической эпохи авторитарного индустриального государства, преддверия информационной волны. Недаром самиздат структурно стал выстраивать аналог компьютерной сети, только — за неимением компьютеров — на трудоемких и малотиражных (или в сравнении со «списками» XIX века — эффективных и производительных) печатных машинках.

Двигателем самиздата являлось стремление к получению общественно значимой информации в условиях ее дефицита. В отличие от Госиздата, тамиздата и нынешних коммерческих СМИ, самиздат был демократической средой. Люди сами решали, что «подхваты-

¹ См.: Митрохин Н. Русская партия. Движение русских националистов в СССР 1953–1985. М., 2006; Шубин А. В. Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. С. 82–190.

² Эдельман О. В. Глас народа, или «бульон оппозиционности» // Крамола. Инакомыслящие в СССР при Хрущеве и Брежневе. 1953–1982 гг. Рассекреченные документы Верховного суда и прокуратуры СССР. М., 2005. С. 106–107. Критику этих построений см.: Шубин А. В. Указ. соч. С. 354.

вать», какие идеи интересны и важны, на перепечатку какой вещи стоит тратить силы. Читателей меньше всего волновало качество печати (в этой области все равно лидировал Госиздат). Самиздат «зачитывался до дыр».

Не все читали самиздат, хотя этот запретный плод был привлекателен, но большинство жителей крупных городов соприкасалось с теми, кто что-то почерпнул из него. Так информация растекалась вширь.

Наиболее заметным общественным движением доперестроечной эпохи было диссидентство. Но диссидентство было только частью более широких дискуссий и социальных инициатив. В Советском Союзе существовали и массовые неформальные организации. Они взаимодействовали с властью и ее «приводными ремнями», но в своих действиях руководствовались собственной логикой. Наиболее крупными движениями 1960–1970-х гг. были «зеленые» (дружины охраны природы), различные культурные и педагогические инициативы, включая художественный и литературный андеграунд, рок-движение, КСП, коммунаров, учителей-новаторов¹.

Но движения развивались вне регулярного общения друг с другом. Для того чтобы возникло общее поле, не хватало важнейшего компонента — независимых политических движений, тесно связанных с социальными инициативами. Диссидентство в силу своей объективно обусловленной конфронтационной позиции не могло стать таким компонентом. К тому же в 1979 г. было принято решение покончить с ним, и к 1984 г. инфраструктура диссидентского движения была разгромлена.

Эпоха неформалов

Условия для выхода на арену политической оппозиции возникли в период перестройки, которая стала триумфом советского публичного пространства, возрождением «советскости», происходящей от слова «Совет». В декабре 1986 г. по внешнеполитическим соображениям руководство СССР приняло решение отка-

¹ Подробнее см.: Шубин А. В. От «застоя» к реформам. СССР в 1977–1985 гг. М., 2001. С. 509–580.

заться от уголовного преследования инакомыслия. Разумеется, это не предоставляло инакомыслящим каких-либо политических свобод и даже гарантий от преследования в будущем, но создало предпосылки для активизации общественной жизни.

Казалось, настал звездный час для диссидентов. Они выходили из лагерей и тюрем. Но диссидентское движение 1960-х — начала 1980-х гг. не восстановилось: большинство его лидеров уже слишком устали от борьбы. Некоторые борцы за права человека получили достаточную известность на Западе, чтобы сменить полную опасностей и невзгод жизнь в СССР на спокойную, комфортную старость за рубежом. После 1986 г. диссидентское движение было обескровлено эмиграцией, но и оставшиеся в стране столпы правозащиты, такие как А. Сахаров, нуждались в длительном отдыхе и в большинстве своем до 1988 г. не вели активной политической деятельности. Исключение составили несколько активистов, которые включились в неформальное движение — В. Новодворская, Л. Тимофеев и другие — либо благодаря своему статусу и позиции смогли получить доступ к официальным изданиям — Р. Медведев, И. Шафаревич и другие.

Причина исчезновения диссидентского движения кроется, конечно, не только в усталости его участников и других обстоятельствах личного характера. Парадоксальным образом точку в истории диссидентского движения поставило прекращение их преследования. Часть диссидентских лозунгов взяли себе власть и демократическая оппозиция. Они вступили в борьбу за преобразования, в которой диссидентству не было места. Пришедшее в движение общество смяло самую функциональную нишу диссидентства как этико-правового противостояния статичному режиму.

В силу изменения ситуации в стране начался период гегемонии неформалов в общественном движении. Первоначально неформалами называли широчайший спектр неконтролируемых партией и государством общественно-культурных молодежных инициатив и течений от филателистов и рокеров до панков и хиппи. Но уже в 1987 г. это слово «прилипло» к социальным и политическим инициативам. И это естественно — перестройка была временем политизации. Так что далее под неформалами мы будем понимать именно социальных и политических неформалов.

Психология первого поколения политических неформалов была сформирована в условиях поэтапного выхода из подполья в 1986–1988 гг., постепенного расширения сферы политических и гражданских свобод. Эти свободы достигались путем самозахвата, когда оппозиция постепенно прощупывала, в какой степени власти готовы уступить. При этом первое время приходилось действовать практически в полной изоляции, чувствуя себя один на один с режимом, вырабатывать идеологическую позицию в условиях нехватки политической информации.

Клубы неформалов состояли из ядра и периферии. В ядре несколько десятков человек общались практически в ежедневном режиме, энергично обсуждая политические новости и «белые пятна» прошлого, возможную реакцию на происходящее, способы «ускорить» перемены и придать им нужное (с точки зрения клуба) направление. Это была интересная и насыщенная, даже изматывающая жизнь. Участникам казалось (иногда не без оснований), что они могут повлиять на ход «большой политики». Периферия группы состояла из тех, кому было интересно на мероприятиях неформалов, воспринимавшихся как любопытное шоу или лекторий. Между ядром и периферией первоначально складывались отношения «актер-зритель», где актеру доставались и лучи славы, и скептические реплики, а зрителю — впечатления. Однако шоу политизировало зрителя и постепенно втягивало периферию сначала в выполнение разовых поручений, а затем и в действительно опасные действия вроде участия в неразрешенном митинге или переправки листовок на территорию воинской части. Решившийся на участие в оппозиционном действии человек превращался в часть ядра. Но поскольку длительное участие в жизни ядра быстро выматывало многих его участников, впоследствии они нередко «отходили от движения», не возвращаясь на периферию.

Качественное отличие этой политической среды от партийной жизни грани XX–XXI веков — бесплатность всей работы. Современным российским депутатам, функционерам и пиарщикам трудно понять, каким образом можно работать с утра до вечера не за деньги, а за идею. Не было это понятно и функционерам КПСС. В итоге к 1989 г. КПСС неожиданно для себя столкнулась с манифестациями, в которых участвовали сотни тысяч людей, оппозиция сфор-

мировала организационные структуры и подробно разработанные программы переустройства общества¹.

Возникновение и выход из подполья десятков общественно-политических организаций неизбежно вели к возникновению политического поля — системы взаимодействующих политических ядер, действующих в различных идеологических направлениях. Собственно, именно этого поля не хватало в СССР, чтобы возникло полноценное гражданское общество. Его элементы: правозащитные, социальные, информационные организации уже возникли, но общего политического поля еще не было.

Большинство неформальных организаций осознавало, что заметного успеха их направление может добиться только в союзе с родственными группами по всей стране. Поэтому с самого начала общественные клубы вели борьбу за собрание (как правило, вокруг себя) коалиций и объединений с прицелом на создание всесоюзных организаций. Но для того, чтобы распределиться по политическому спектру, нужно было сначала создать сам этот спектр, провести встречу наличных неформальных организаций.

Наиболее удачное время для ознакомительных и объединительных конференций — конец августа — пограничье летних отпусков. На конец августа 1987 г. неформалы, установившие первые неустойчивые контакты друг с другом, запланировали три конференции, которым суждено было стать первыми съездами политических неформалов. На одну конференцию собрались экологи в заповеднике Гужерипль, где и создали свой Социально-экологический союз. Он существует до сих пор. Другая конференция была запланирована Заочным социально-политическим клубом в Таганроге без одобрения властей. Третья под эгидой Севастопольского и Черемушкинского (Брежневского) райкомов партии планировалась в Москве. Райкомовские работники сочувствовали росту гражданской активности, он вызывал и политический, и человеческий интерес. Непосредственная организация работы конференции была передана ведущим неформальным группам. Эта конференция должна была стать наиболее представительной и готовилась

¹ Подробнее см.: Шубин А. В. Парадоксы Перестройки. Упущенный шанс СССР. М., 2005.

еще с весны. Организаторы московской и таганрогской встреч находились в контакте (взаимодействие политических неформалов и СоЭС установилось уже в 1988 г.).

20–23 августа 1987 г. в Москве прошла Информационная встреча-диалог «Общественные инициативы в перестройке». Собрались представители 50 клубов из 12 городов (Москва, Ленинград, Киев, Таллин, Архангельск, Новосибирск и др.), в зале сидело более 300 человек. Эта встреча позволила неформалам установить широкую сеть контактов. По существу, с этого момента можно говорить о едином легальном поле общественных движений, независимых от государства, феномен, прежде неизвестный в СССР. Если говорить о гражданском обществе не как о совокупности изолированных структур, а как о взаимосвязанной системе, открыто действующей в социально-политическом пространстве, то у советского гражданского общества есть дата рождения — 23 августа 1987 г.¹

На этой встрече была создана первая всесоюзная протопартия — Федерация общественных социалистических клубов. В 1988 г. возникло уже несколько протопартий, в том числе Демократический союз, провозгласивший себя оппозиционной партией 8 мая 1988 г. Политические неформалы стали вступать в различные коалиции, создавать системы независимой прессы, защиты прав работников, связываться со старыми неформальными движениями и инициативами территориального самоуправления.

Три волны

На первый взгляд, диссидентское, неформальное и демократическое движения выстраиваются в ряд, подобный знаменитым ленинским трем поколениям освободительного движения. На практике процесс развития «освободительного» движения не был линейным. Образование неформальной среды произошло раньше, чем диссидентской.

Диссиденты, неформалы и демократы представляют собой три волны общественного движения, которые характеризуются

¹ Подробнее см.: Шубин А. В. Преданная демократия. Перестройка и неформалы. М., 2006. С. 99–117.

различными чертами. Диссидентов отличают приоритет правозащитной тематики и «табу» на сотрудничество с властями и применение насилия. Либеральные коммунисты (будущие лидеры демократов), лидеры которых принадлежали к статусной интеллигенции и «просвещенной» части бюрократии, ориентировались на проведение реформ в сотрудничестве и даже подчинении той части правящей элиты, которая разделяла идеологические постулаты демократии, часто негативные — антибюрократические и затем антикоммунистические, антинационалистические. Неформалы, если рассматривать их как явление в целом, обнаруживают очень мало табу и ограничителей. Несмотря на то что каждая неформальная группа имела свои мифы, стереотипы и табу, общего идеологического контура практически не существовало, за исключением общих с диссидентами принципов ненасилия, разделявшихся большинством. В неформальной среде довольно спокойно общались «демократы», «патриоты», анархисты, монархисты, коммунисты, социал-демократы и либерал-консерваторы различных оттенков. Иногда и группирование неформалов происходило совсем не по идеологическим принципам, а по направлениям деятельности — защитники памятников, педагоги, экологи и др. Тем не менее неформалов несложно отделить как от диссидентского, так и от общедемократического движения. В отличие от диссидентов неформалы спокойно относились к взаимодействию с властями, вхождению в государственные и официозные структуры. В отличие от «демократов» неформалы скептически относились к признанным «прорабам перестройки» и «демократическим лидерам» из старой правящей элиты, предпочитали действия в малых группах, то и дело раскалывая «демократический фронт». Неформалы предпочитали ставить в центр своей активности какую-то конкретную социальную деятельность, несмотря на то, что почти все неформальные группы имели собственную, подчас весьма экзотическую идеологию: идеологизм неформалов не позволил этой среде согласиться на единые идеологические принципы, в то время как диссидентам и демократам легко удавалось договариваться между собой «в основном». Неформалов характеризует преобладание связей горизонтального характера, в отличие от демократическо-популистского движения и партийных структур более позднего времени. Поэтому, несмотря на длительность существования неформальной среды, она

преобладала в оппозиционном движении только на начальном этапе перестройки, став катализатором формирования гражданского общества, но не новой системы власти. В итоге возникло своего рода разделение труда: лидеры «демократов» сделали ставку на преобразование общества сверху, неформалы — снизу. Остатки диссидентского движения либо «пошли во власть», отступая от прежних правозащитных принципов, либо сохранили правозащитную специализацию и остались в системе гражданского общества.

Выделим основные, на наш взгляд, черты неформальной среды:

- преобладание связей горизонтального характера (в отличие от демократическо-популистского движения и партийных структур более позднего времени);
- приверженность социальному творчеству, склонность к поиску новых социальных форм, альтернативизму, «конструктивному утопизму»;
- органический демократизм, стремление к самоуправлению, внутренней антиавторитарности, «коллективному руководству»;
- слабая артикулированность, «прописанность» формальных отношений, формирование внутренней структуры организаций по принципу «корней травы», без системы, на основе личных связей, стремление к созданию собственной микросреды, стиля жизни (как и диссиденты, но не «демократы», в большинстве своем разделяющие жизнь и «общественную деятельность»);
- отсутствие жестких ограничений на сотрудничество, например, с властью (в отличие от диссидентов и, скажем, народовольцев);
- отсутствие четких идеологических «рамок» при высокой идеологизированности каждой группы в отдельности (в отличие от диссидентов);
- стремление «мыслить глобально, а действовать локально», иметь конкретные социально ориентированные (т. е. направленные на получение социального эффекта, а не прибыли) проекты, подтверждающие идеи или способствующие их воплощению в жизнь.

Все это многообразие признаков можно свести к нескольким простым: социальное творчество, самоуправление, корневая горизонтальная структура, ориентация на сотрудничество, конкретное социальное «делание» при радикализме идей. Нетрудно заметить, что такая среда могла возникнуть (и возникла) сразу после отказа власти от тотального контроля за обществом, т. е. в 1950-е гг. Новым явлением 1980-х гг. стало появление политического неформального поля. Ранее политизация неизбежно превращала неформала в диссидента, а с началом перестройки можно было сохранять неформальный стиль, переходя в оппозицию.

Понятно, что такая среда может играть решающую и наиболее заметную роль в начальные периоды общественного подъема: востребуются новые идеи, широкие социальные слои еще только втягиваются в политическую жизнь, но уже готовы поддерживать локальные социальные инициативы. Ранее неформалы предпочитали действовать «не высовываясь», позднее их оттесняют «перестроившиеся» правящие элиты и массы, ориентированные на вождя, что для неформалов неприемлемо. Социальные причины снижения массовости неформального движения также понятны: это и завершение революционного процесса (общее падение массовости общественных движений), и социально-экономические трудности (раньше было легче заниматься общественной деятельностью на непрофессиональной основе, а профессионализация приводит к сокращению рядов движения). Неформалы-общественники как явление не имели жестких границ и частично смешивались и с диссидентами, и с демократическими движениями, и со средой официальных организаций — партий, профсоюзов, обществ и т. д.

Действия реформаторов в условиях кризиса экономических преобразований были направлены на постепенную ликвидацию советского демократического политического фасада при одновременной вестернизации институтов реальной власти. Неформалы, напротив, стремились к насыщению фасадных структур — советов, профсоюзов и других общественных организаций — реальным содержанием, что позволило бы разрушить реальные авторитарные институты, прежде всего партийные. Гражданские движения этого периода в большинстве своем были носителями советской революции, начавшейся тогда, когда процесс реформ зашел в тупик

и возникла необходимость взлома существующей легитимности, что, собственно, и является одним из критериев революции.

Советская революция

Лавирование группы Горбачева в 1988 г. подорвало уверенность в том, что «прогрессивные силы» в КПСС смогут сами добиться перемен. В мае — августе 1988 г. неформальные группы — «Община», «Гражданское достоинство», «Демократический союз» и др. — развернули первую кампанию массовых уличных выступлений в нескольких городах СССР, включая Москву и Ленинград. Одновременно были предприняты первые попытки консолидации оппозиционных движений различных направлений (в рамках общедемократической ориентации)¹. Был принят согласованный «Общественный наказ» общественных движений к XIX партконференции, в котором говорилось: «Преобразовать партию из организации, управляющей “от имени народа” при помощи переродившейся касты “партократов”, в действительно политическую организацию; для этого она должна быть полностью лишена властных функций, передаваемых в Советы и органы государственного управления, что должно найти отражение в законе о партии. Статья 6 Конституции должна быть соответствующим образом изменена [...] Вся полнота власти должна быть передана Советам [...] Рассматривать становление подлинного самоуправления на производстве в качестве главной стратегической задачи реформы в духе демократического социализма»². Характерно, что идеологи либерально-западнического и социалистического направлений сошлись именно в пункте разрушения монополии КПСС на власть.

Демократические движения 1988–1990 гг., к которым в 1989 г. присоединилось и организованное рабочее, прежде всего шахтерское, движение, восприняли лозунги небольших «разночинных» организаций: права и свободы, ликвидация однопартийности, социальная справедливость, самоуправление, самостоятельность регионов и др. Генератором идей, которые признавал затем демокра-

¹ Подробнее см.: Шубин А. В. Преданная демократия. Перестройка и неформалы. М., 2006. С. 187–215.

² Открытая зона. 1988. № 7.

тический сектор общества, были неформальные группы «Община», «Перестройка» (социалисты и социал-демократы), Демократический союз, «Гражданское достоинство» (в большинстве своем либералы) и др. Во второй половине 1980-х эти группы выдвигали идеи, которые затем поддерживала «широкая общественность». Открытые идеологические дискуссии неформалов между собой и с представителями официальных структур явочным порядком «ввели» в стране политический плюрализм.

В 1989–1990 гг. для наиболее динамичной части номенклатурной элиты стало очевидно, что реализация ее задач — сохранение власти и приобретение собственности — невозможна без смены ценностей и мифов, на которых зиждется государственная идеология. Эта часть номенклатуры объединилась со статусной интеллигенцией. Известность «прорабов перестройки», обеспеченная доступом к СМИ, давала «официальным» либералам возможность возглавить освободительное движение если еще не идейно, то организационно. Наиболее видные деятели либерального лагеря покинули КПСС лишь в июне 1990 г., после того как под давлением массовых манифестаций однопартийность была уже де-юре отменена в феврале 1990 г.

Одним из факторов, который затруднял переход либеральной номенклатуры в оппозицию к КПСС, было отсутствие у видных либералов собственного партийного аппарата в 1988–1989 гг. «Прорабы перестройки» были союзниками, но не руководителями неформалов, принимавших решения самостоятельно. Конечно, действия неформальных организаций использовались «шестидесятниками», в том числе и либералами в руководстве КПСС. Но и неформалы каждый раз решали, какую кампанию «верхов» поддержать, а какую — нет.

Лишь после выборов 1989 г. лидирующее положение в демократическом движении постепенно переходит к Межрегиональной депутатской группе (МДГ), состоявшей в большинстве своем из партийных либералов. Тогда же возникает постоянный партаппарат «демократов»¹. Однако, чтобы укреплять свой контроль за расширяющимся гражданским движением, руководители МДГ должны

¹ Подробнее см.: Шубин А. В. Преданная демократия. Перестройка и неформалы. С. 305–325.

были повторять лозунги, выдвинутые диссидентами и неформалами. «Собственность — народу! Земля — крестьянам! Заводы — рабочим! Вся власть — Советам!»¹ — говорилось в обращении группы депутатов, призывавших провести политическую стачку 11 декабря 1989 г. Все лидеры, подписавшие это обращение, за исключением скончавшегося вскоре А. Сахарова, через два года стали горячими противниками большинства этих лозунгов. Но в 1989 г. МДГ, обладавшая парламентской трибуной, была еще рупором гражданского движения, которое в это время было представлено сотнями неформальных организаций и общественных движений, стачечными комитетами, комитетами самоуправления и другими институтами непосредственной демократии². Представители этого движения продолжали оказывать существенное воздействие на политику демократического «лагеря» до 1990 г., а в периоды кризисов — до августа 1991 г.

К середине 1990 г. в общественном сознании населения крупнейшей республики СССР — РСФСР — укрепились ценности плюрализма и идейной терпимости, гражданских свобод и строительства общества снизу. В России возникло легальное и объединенное множеством взаимных контактов гражданское общество, состоящее из независимых от государства экономических, общественных, профсоюзных и информационных организаций. Сформировались ростки независимой прессы, система управления стала полицентричной: восстанавливалась власть Советов на местах. В результате выборов 1990 г. образовалась независимая от КПСС представительная власть, после чего сама КПСС потеряла характер тоталитарного института и превратилась в одну из двух крупнейших партий: второй стало движение «Демократическая Россия», созданное на базе неформальных движений, новых партий и МДГ. Наступление гражданского общества на авторитарный коммунистический режим завершилось успехом. Но Советскому Союзу оставалось жить полтора года.

Как отмечают и консервативно-коммунистические, и радикально-либеральные авторы, вытеснение КПСС из управленческих

¹ Архив автора.

² См. также: Левчик Д. А. Комитеты общественного самоуправления в России (1988–1993 гг.). М., 2000.

структур, потеря монополии на власть коммунистической партией, которая «являлась главным цементирующим элементом СССР», способствовали «тому, что распад СССР приобрел “галопирующий” характер»¹. Но и здесь стоит отметить, что связь между ослаблением позиций КПСС и распадом СССР не столь прямолинейна. Во-первых, даже практически полное сохранение власти за коммунистическими структурами в Казахстане, Туркменистане и Узбекистане не сделало эти республики оплотом горбачевского центра. «Галопирующий характер» распад СССР принял в большей степени из-за противоречий внутри коммунистической бюрократии как «цементирующей силы». А эти противоречия родились не с перестройкой. Они нарастали весь период «застоя»². Перестройка в этих условиях стала не причиной, а сигналом для усиления соперничества и автономизации кланов партийной бюрократии. Поэтому освобождение общества от такой опасной «руководящей и направляющей силы» было для него дорогой к спасению. Для этого должны были укрепиться новые политические сети, носившие всесоюзный характер, а таковыми были крупнейшие неформальные движения. Однако этот путь имел свои недостатки: гражданское общество только формировалось, а реформы Горбачева не создавали альтернативной КПСС системы координации. Советская революция была неустойчивым движением, победоносным в своей антикоммунистической составляющей, но уязвимой изнутри, со стороны перестроившейся номенклатуры. Гражданские движения, особенно неформалы, в силу горизонтального характера своей структуры не могли, а часто и не хотели выиграть борьбу за государственную вертикаль. Это обрекало советскую революцию на поражение.

В результате само «демократическое движение» оказалось под контролем бюрократических элит. Борьба за власть как позицию, определяющую результаты раздела собственности, стала основой союза национальных элит и лидеров «демократического» движения, интегрировавшего и часть неформального актива. Неформалы, не ушедшие «во власть», стали основой гражданского общества России 1990-х гг.

¹ Согрин В. Политическая история современной России. 1985–1994. От Горбачева до Ельцина. М., 1994. С. 101.

² Подробнее см.: Шубин А. В. Золотая осень или период «застоя». СССР в 1975–1985. М., 2007.

Распад СССР и «шоковая терапия» начала 1990-х гг. привели к существенным изменениям и в структуре гражданского общества. Оно профессионализировалось, заметно потеряло в численности, а в начале XXI века — и во влиянии. Под давлением социальных трудностей старое поле неформальных движений фактически распалось. Часть старых неформальных движений (ДОПы, коммунары, КСП) сохранилась, но «заперлась» в своей нише, деполитизировалась, разочаровавшись в итогах политизации конца 1980-х — начала 1990-х гг. Существенно обновились и кадры, сетевая структура во многих местах была «разорвана» конкуренцией профессионализовавшихся команд, зависимых от бизнес-структур и государственных институтов. Но в условиях развития виртуальных технологий возникают новые связи и сети, в которых проявляют активность и выходцы из неформального прошлого. Возможно, их опыт окажется востребован, поскольку в случае возобновления движения нашего общества навстречу постиндустриальным задачам волей-неволей оно должно будет доделать работу, начатую в ходе социального обновления перестройки.